

Сергей ЗВЕРЕВ
**УДАРНЫЙ
РЕФЛЕКС**

Сергей Иванович Зверев

Ударный рефлекс

Серия «Спецназ ВДВ»

Текст предоставлен изд-вом "Эксмо"

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3373785

Сергей Зверев. Ударный рефлекс: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-56590-0

Аннотация

В Ялте объявился маньяк-потрошитель, наводящий ужас на все Южное побережье Крыма. Цель его страшной охоты исключительно молодые красивые девушки. Следов маньяк не оставляет, и украинская милиция никак не может выйти на него. Никто знает, сколько бы еще длился этот кошмар....Но тут в Ялту на отдых приехала компания молодых людей из России. Это двое бывших десантников Илья и Дмитрий и красавица Оксана. Именно ее маньяк выбрал в качестве очередной жертвы. Знал бы убийца, с кем связался, – бежал бы от Оксаны со всех ног. Но пришлось ему познакомиться с крутым нравом российской десантуры...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	15
Глава 2	26
Глава 3	32
Глава 4	39
Глава 5	48
Глава 6	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Сергей Зверев

Ударный рефлекс

Пролог

На Северном Кавказе не принято измерять расстояние километрами. По крайней мере, у ребят, которые тут служат. Серпантины, туманы, камнепады, оползни... А еще – коварные засады боевиков. Здесь никто никогда не спрашивает, сколько километров осталось проехать, – ведь в дороге может случиться всякое. Главное – добраться живым.

...Боевая разведывательно-дозорная машина, урча мощным дизелем, неторопливо ползла по каменистой грунтовке. Механик-водитель вел БРДМ предельно осторожно – эта дорога была ему незнакомой. Грунтовка то и дело петляла вокруг циклопических скал, поднималась полого, затем круто шла вниз. Внизу, под обрывом, гремела по камням горная речка. Первоначально планировалось добраться до «точки» другим, более коротким путем, однако в последний момент командование переиграло: метеорологи предупредили о возможном сходе лавины, и потому БРДМ была вынуждена пойти окольными путями.

«Бардак», как нередко называют БРДМ в Российской армии, должен был доставить семерых десантников на высоко-

горную «точку», сменив там ребят, отдежуривших положенные десять дней. Внутри бронемашины было душно, накоплено, однако командир отделения, сержант Корнилов, запретил поднимать люки, и уж тем более высовываться наружу: в горах могли быть снайперы.

– Илья, а я магнитоу с собой взял, – смуглолицый ефрейтор подтолкнул в бок Илью Корнилова и, скосив взгляд на свой вещмешок, добавил: – Хоть скучно не будет!

– Радио там все равно не берется, – бросил Илья, высокий блондин с пронзительным взглядом ясных голубых глаз.

– Ну, тогда хоть какие-нибудь записи послушаем. Я диски одолжил у пацанов из ремонтной роты.

– Димка, через три дня тебя от тех записей тошнить будет! – вздохнул Корнилов. – Сам прикинь: каждый день с утра до вечера одно и то же, одно и то же... На второй день все эти эстрадные песни наизусть выучим! На третий захочется шмякнуть ту магнитоу о камень... или о голову того, кто эту дрянь всякий раз крутит. Ты бы лучше лишней тушенки с собой взял. Горный воздух, жрать хочется постоянно...

– Ну, Илюха, ты не поэт, – то ли в шутку, то ли всерьез бросил ефрейтор.

– Какая еще, на хрен, поэзия! Тут война, – Корнилов пригнулся, чтобы из-за плеча впереди сидящего механика-водителя взглянуть на дорогу. – Ничего, дембель скоро. Вернемся домой, отмоемся, отдохнем, водочки попьем всласть...

– На курорты съездим, – подхватил Дима. – Слушай, когда я по телевизору море вижу, все время себя спрашиваю: неужели где-то действительно есть жизнь, где не стреляют, а каждый день только оттягиваются в свое удовольствие?

– Где-то есть и Канарские острова, – философски заметил Илья. – А вообще, Димон...

Договорить он не успел. Откуда-то сверху хлопнул гранатомет, из ближайшей «зеленки» вылетел трассер. Совсем рядом гроыхнуло, да так сильно, что заложило уши. Разлетелся камень, взрывная волна осязаемо накрыла БРДМ.

Боевая разведывательно-дозорная машина была слишком удобной мишенью. Ведь гранатометчик, засевший за ближайшей скалой, мог превратить ее в пылающий факел вместе с экипажем и десантниками в несколько секунд. БРДМ, еще недавно казавшаяся надежным укрытием, теперь превратилась в ловушку, в потенциальный железный гроб для ребят...

Крупнокалиберный пулемет в башенке вряд ли мог спасти ситуацию. Это на равнинной, хорошо простреливаемой местности грамотно выпущенные пулеметные очереди могут мгновенно прижать к земле нападающих. В условиях Северокавказских гор, когда в тебя палят из-за скал, да стрелки к тому же постоянно меняют места дислокации, с тем же успехом можно палить просто в небо.

– Из машины! – властно скомандовал Корнилов и, схватив автомат, первым бросился наружу.

За ним последовали и остальные, включая механика-во-

дителя. Десантники, быстро оценив ситуацию, рассредоточились на обрыве за гигантскими валунами. Сделано это было вовремя. Не прошло и минуты, как сверху вновь хлопнул гранатомет, и БРДМ запылала.

Вскоре появились и первые раненые. Механика-водителя подстрелили в ногу, и он, укрывшись за скалой, стал рвать зубами марлю из индивидуального пакета, чтобы сделать себе перевязку. Взрыв гранаты сильно контузил снайпера; сидя за камнем, тот прижимал ладони к вискам, то и дело утирая со рта кровавую пену.

Илья мгновенно оценил обстановку. Полтора года службы на Северном Кавказе дали ему неоценимый опыт. И опыт этот подсказывал: место для засады выбрано загодя, дорога наверняка пристреляна, и единственное, что можно сделать для спасения людей, – отойти отсюда как можно дальше.

Но куда? Внизу – крутой склон, горная речка, и уходить туда вместе с двумя ранеными не получится: снайперы, которые наверняка есть среди нападавших, сразу же перешелкают всех до единого. Впереди – горы, до зубов вооруженные боевики; справа и слева – дорога, прекрасно простреливаемая сверху...

– Занять оборону, не высовываться! – скомандовал Корнилов, прикидывая, что следует делать.

Здравый смысл подсказывал лишь одно решение: как можно быстрее связаться с командованием и вызвать «вертушки». Илья уже обернулся, чтобы позвать радиста, но в

этот самый момент тот зачем-то приподнялся из-за огромного камня. Сверху тотчас же прогрехотала автоматная очередь, радист с громоздкой ранцевой рацией на спине качнулся, взмахнул рукой и, завалившись на спину, покатился по крутому склону.

Сверху продолжали стрелять, не давая даже поднять головы. Ситуация становилась безвыходной...

И тут к Корнилову осторожно подполз ефрейтор Дима Ковалев.

– Илюха, тут полная невыкрутка, – нервно прошептал он. – Давай так сделаем: я сейчас попытаюсь спуститься к реке, вы меня прикроете, а я по руслу доберусь до наших, «крокодилы» вызову.

Сержант Корнилов прищурился, припоминая, сколько по карте отсюда до ближайшего блокпоста.

– Пять километров, если по прямой, – прикинул он. – А с учетом рельефа и русла реки – все восемь будет. А потом – как ты спускаться собираешься? Одно неосторожное движение – и шею сломаешь! А еще те уроды сверху палят...

– Прикроете, – перебил Ковалев. – Илюха, тут полная задница, а у нас никакой связи с командованием. И еще раненые, с которыми по-любому далеко не уйти. Понимаешь?

Илья прикусил губу. Конечно же, он прекрасно понимал, что Ковалев прав: другого выхода теперь просто нет. Однако предложение звучало слишком уж рискованно. Илья совершенно не хотел подвергать ефрейтора смертельной опасности.

сти; ведь Димка был его лучшим другом!

– Да и сам вижу, что хреново дело, – выдохнул Корнилов, внимательно следя за всем, что происходит наверху, у скал.

– Илюха, давай, решай быстренько, ты командир, – потребовал Дима. – У нас через часа полтора весь боезапас выйдет, и тогда – бери голыми руками.

Тем временем у гигантских камней над шоссе наметилось оживление. Гранатометчик смолк, однако автоматные очереди звучали все более и более энергично. Боевики явно не жалели патронов: под плотным огнем прикрытие они попытались приблизиться к оборонявшимся.

Неожиданно сверху послышался голос с характерным для кавказцев акцентом:

– Рюские, сдавайтесь! А то хуже будет!

– Заткни хлебало, урод! – душевно посоветовал Илья и осторожно выглянул из-за своего валуна.

Сверху осторожно спускалось двое боевиков: амбал в пятнистом камуфляже и молодой бородач в серой штормовке. Корнилов вскинул автомат, одиночным выстрелом снял бородача. Его товарищу повезло больше: Илья только ранил его в ногу, и боевик, рухнув меж камней, пополз назад, в расщелину между скал.

– Илья, давай телись, – Дима нетерпеливо дернул друга за рукав. – Ну нету у нас другого выхода!

– Ладно, Димка, – вздохнул Илья. – Давай, попробуй. А мы тебя прикроем...

– Да не волнуйся, я везучий! – через силу улыбнулся Ковалев. – Вот увидишь: все будет тип-топ. Часа за два доберусь до блокпоста.

– С Богом! – Приподнявшись на локте, Корнилов хрипло скомандовал десантникам: – Прикрываем Димку! Стреляем по огневым точкам, патроны экономим. Главное – отвлечь внимание противника...

* * *

Спустя три часа Корнилов понял: все кончено. Патронов оставалось всего ничего: меньше, чем по магазину на брата. Теперь стрелять приходилось исключительно одиночными, притом только по силуэтам. Ни о каком заградительном огне не могло быть и речи. Правда, у Ильи оставалось еще несколько гранат, однако он решил приберечь их на самый крайний случай.

Потери десантников росли. Осколком был ранен еще один боец, а механик-водитель, получив повторное ранение в голову, скатился со скалы в ущелье.

Боевики тем временем предприняли обходной маневр. Часть их осталась наверху, как раз за скалами над шоссе, а несколько человек, спустившись на дорогу за поворотом, теперь стреляли сбоку-слева, не давая ребятам даже поднять голов.

И вот, когда десантники приготовились к самому худше-

му, раздался радостный крик:

– «Крокодилы» летят!

На фоне горного склона плыла тройка «Ми-24», ритмично рассыпая противотепловые ракеты-ловушки. Обогнув за снеженную вершину, вертолеты на несколько мгновений зависли над шоссе. Очереди крупнокалиберных пулеметов отозвались гулким эхом, реактивные ракеты прочертили в блеклом горном небе дымные траектории. Мягко дрогнула земля, на шоссе посыпались обломки скал, удушливый чадный смрад окутал дорогу. Корнилов прекрасно знал боевые возможности «Ми-24»: после ракетного залпа ни один боевик не сумел бы уйти...

Спустя полчаса выжившие десантники, погрузив на специально прибывший транспортный «борт» раненых, уже летели на базу. Ни о какой временной командировке на «точку» теперь не могло быть и речи. Корнилов, то и дело утирая кровь с ободранной щеки, вопросительно взглянул на сопровождавшего офицера.

– Что, о своем друге хочешь узнать? – догадался тот.

– Гвардии ефрейтор Дмитрий Ковалев...

– Ну, дружан у тебя герой, – офицер уважительно цокнул языком. – Перед самым блокпостом подорвался, весь кровью истек, но сумел-таки доползти и предупредить. Если бы не он – лежали бы вы все там, в горах...

– Как подорвался? – холодея, тихо спросил Илья.

– Да обычно как, на «растяжке». Боевики на тропинках

вокруг блокпоста их каждую ночь ставят. Те пацаны, которые там дежурят, о них знают, а твой дружбан, конечно же, был не в курсах... Да не переживай ты так! Жив останется. Мы когда вылетали, его уже вроде бы оперировали...

* * *

По трепещущей больничной шторе бегали причудливые тени листвы. Из-за окна доносилось неумолкаемое журчание – это на газон больничного сада из резиновых шлангов распылялась вода, и радужные капли, дробясь в ярком апрельском солнце, стекали с листьев клена перед самым окном.

Дима Ковалев, сидя на казенной койке, горестно смотрел на ампутированные чуть выше колена ноги.

– И кому я теперь нужен? – отчужденно прошептал он.

– Димка, не переживай! – Илья Корнилов в дембельской «парадке» дружески обнял друга за плечи. – Главное, что ты выжил! И я, и все наши ребята тебе по гроб жизни обязаны!

– Я же обрубок, а не человек! – по лицу инвалида быстро-быстро катились слезы. – Как я теперь такой в жизни устроюсь? Да и родным буду... только в тягость.

– Братик, родной, – девушка с огромными васильковыми глазами лишь часто-часто моргала, чтобы не расплакаться. – Ну зачем ты такое говоришь? Ты мне любим будешь нужным...

...Илья задержался с армейским другом на несколько

недель – и это несмотря на то, что у него уже были проездные документы до дома. Ни о каком традиционном дембельском загуле в родном подмосковном городке не могло быть и речи; ведь Корнилов не мог бросить человека, которому был обязан жизнью, в тяжелейшей депрессии. Вместе с Оксаной Ковалевой, Димкиной сестрой, они приводили парня в чувство всеми возможными способами. Главным было не оставлять друга в одиночестве, постоянно внушая ему, что он не один, что он нужен, что ему всегда и во всем будут помогать.

Ничто так не сближает людей, как общая цель. Вот и Илья за эти дни необычайно сблизился с Оксаной. Чем больше узнавал он сестру армейского товарища, тем больше она ему нравилась: спокойная, порядочная, строгих нравов...

Как это нередко бывает у парней после армии, Илья неожиданно даже для самого себя сделал Оксане предложение. Девушка ответила не сразу – мол, дай подумать, мы же не так хорошо друг друга знаем.

– Выходи за него, Оксанка, – напутствовал Дима Ковалев. – Ты Илюху знаешь плохо, зато хорошо знаю я. Выходи, не пожалеешь!

Оксана сказала долгожданное «да» лишь через два дня. И этот день стал для Корнилова самым знаменательным за всю жизнь.

– Все у нас получится! – застенчиво заулыбался Илья. – Семейку создадим. Детишек мне нарожаешь. Да и Димку будем поддерживать – куда же ему без нас, а нам – без него?!

А вообще – после армии не мешало бы всем нам куда-нибудь на юга рвануть. – Он обратился к товарищу: – Дим, помнишь, ты когда-то спрашивал о местах, где не стреляют, а каждый день оттягиваются в свое удовольствие? Я бы вот в Крым съездил. Не сейчас, конечно, а через полгодика, когда сезон начнется. Как вам мое предложение?

Глава 1

Полуостров Крым – самое беспечное место на всем черноморском побережье, а ялтинцы – самые легкомысленные люди во всем Крыму. Так, по крайней мере, считают многие. На первый взгляд в Ялте не принято думать о будущем, тут живут только настоящим. И все располагает к такому мышлению: щедрое солнце, вечнозеленые пальмы, шум прибоя, загорелые тела на пляжах, длинноногие девушки в соблазнительных купальниках, теплые звездные ночи со стрекотом цикад...

Но это впечатление обманчиво. Ведь Ялта – это не только яркое солнце, пляжные радости и романтические прогулки под южными звездами. Погожие дни неизбежно сменяются пасмурными, но далеко не всем об этом известно...

В сентябре–октябре, с окончанием сезона последние отдыхающие наконец разъезжаются. Город погружается в осенне-зимнюю спячку. Солнце прячется за тучи, блекнет море, гаснут вывески уличных кафе, один за другим закрываются аттракционы на набережной, центральные улицы незаметно пустеют. И местные жители, подсчитывая заработанное за сезон, лишь тихо стонут: как прожить до сезона следующего?

Так что самое тяжелое время в жизни каждого ялтинца – начало апреля. Деньги, заработанные за предыдущий се-

зон, давно уже потрачены, а наступления сезона следующего ждать еще полтора-два месяца. И это время надо как-то существовать. Но что делать, если в городе почти нет своего производства, если даже дворником можно устроиться только за взятку, если врачей и учителей нещадно увольняют по сокращению, если даже самый мелкий бизнес задавлен налогами? Вот и приходится крутиться...

Ресторан «Красный лев», что на набережной, – один из немногих в городе, работающих круглый год. Кухня вкусна, официанты вежливы и предупредительны. Последнее обстоятельство вполне объяснимо: несколько жалоб от посетителей – и полетит подавальщик со своей службы белым лебедем. Отряд не заметит потери бойца, ведь на место выбывшего претендует добрый десяток кандидатов; профессиональными барменами и официантами Большой Ялты, наверное, можно, укомплектовать все рестораны и кафе Москвы...

Приблизительно так размышляла молоденькая чернявая девушка со смешными завитушками на лбу, официантка «Красного льва», возвращаясь с работы за полчаса до полуночи. Вечерняя набережная почти опустела. Лишь в перспективе ее, рядом с ночной дискотекой, маячили несколько силуэтов поддатых малолеток, да под фонарем у кругло-суточного магазина «Крымские вина» тихонько ворковала влюбленная парочка.

Достав из сумочки пачку сигарет, официантка закурила и устало зацокала по набережной острыми каблукками. Спра-

ва мерцало море. Вода, подкрашенная тусклым лунным светом, сумрачно светилась у берега, и в тишине слышались ее полусонные приливы и отливы. Маяк на пирсе время от времени вспарывал темноту ночи ярко-красной точкой. Все это умиротворяло, но девушке было явно не до приевшихся красот природы. Заботы одолевали. Дома ее, единственную кормилицу, ждали старая мать и малолетняя племянница. Стирка, уборка, готовка – хоть бы до двух ночи управиться! С утра – на рынок и сразу к кухонной плите, к полудню – вновь на работу, до полуночи. И так каждый день, как белка в колесе...

Миновав небольшую площадку с неработающим фонтаном, девушка свернула в темный сквер, отделяющий набережную от ближайшей улицы. Геометрически-правильные квадраты бетонных плит аллеи, острые кроны кипарисов, весеннее разноцветье на клумбах – все это теперь, в темноте, невольно навевало мысли о ночном кладбище. Но этим темным сквером она возвращалась после смены сотни раз. Да и до дому оставалось не более десяти минут ходьбы: подземный переход, выход на троллейбусную остановку, перекресток, поворот налево – и ее родная пятиэтажка.

Бросив окурок в мусорку, девушка взглянула на белое табло городских часов: светящиеся стрелки, сомкнувшись на циферблате ножницами, показывали ровно полночь.

Неожиданно почудилось, будто бы сзади, совсем близко, мелькнула какая-то тень... Девушка инстинктивно оберну-

лась, но никого не заметила: темнота аллеи не позволяла рассмотреть даже ближайший кустарник. Наверное, пригрезилось от переутомления... Да и ярко освещенная арка подземного перехода – вон, совсем рядом. Поправив висевшую на плече сумочку, официантка на всякий случай ускорила шаг. Ступенька, еще одна, поворот направо, выпирающий из бетона канализационный люк... Внезапно впереди послышался сухой треск кустов, и спустя мгновение перед девушкой вырос мужской силуэт. Быстрота, с которой неизвестный появился перед полуночной путницей, резкость движений напугали девушку. Невольно отпрянув, она ойкнула – в руке нападавшего тускло блеснуло длинное лезвие ножа с рельефным кровостоком.

Официантка лишь тихонько вскрикнула и, судорожно развернувшись, хотела было бежать назад, к набережной. Но острый предательский каблук туфельки застрял в щели между бетонными плитами.

– Стоять! – сдавленно прошипел нападавший.

Приблизившись к девушке вплотную, он левой рукой цепко схватил ее за шею и поднес к лицу нож, зажатый в правой. Лунный лучик медленно прокатился по массивному лезвию, и почему-то именно этот отблеск начисто парализовал у жертвы волю к сопротивлению.

– Пикнешь – убью! – предупредил мужчина угрожающе и, прижавшись к жертве всем телом, затрясся от чувственного возбуждения.

Он резко развернул девушку лицом к себе – каблук, намертво застрявший в щели, сухо треснул. Ловко перебросил нож из правой в левую. Медленно взял жертву за подбородок, трясущейся рукой поправил завиток на лбу, мягко скользнул рукой по полной груди и прошептал:

– А ты ничего... В теле.

Несчастливая была в полубоморочном состоянии; силы и воля окончательно покинули ее. Последнее, что успело зафиксировать угасающее сознание, – отсутствие большого пальца на левой руке нападавшего. Выверенный удар рукояткой ножа по голове – и официантка осела на аллею. А неизвестный, подхватив обмякшее тело на руки, потащил его по ступенькам на пустынную остановку, где в полутьме тупичка стоял грязно-белый «жигуль»...

* * *

Девушка не могла сказать, сколько же она была без сознания: час, два или целую вечность?

Очнулась она от странного звука: ш-ши-ик, ш-ши-ик, ш-ши-ик... Звук этот доносился откуда-то издали, будто из-за стены, и повторялся с пугающей равномерностью, словно удары морских волн в осенний шторм. Но это были не волны. С таким звуком обычно точится нож о камень. Несчастливая с трудом разлепила глаза, пытаясь определить, где же она находится, но так и не определила. Ее окружала абсолютная

чернота. Было лишь ясно, что лежит она на чем-то мягком, видимо, на кровати, и что тело ее накрепко связано путами. Девушка попыталась было подняться, но этого не удалось.

– Мамочка... – тихонько вскрикнула пленница и тут же закусила нижнюю губу; беспалый, напавший на нее в темном сквере, а теперь точивший нож, наверняка мог услышать голос жертвы.

А звук точимого ножа по-прежнему резал слух тупой ритмичностью: ш-ши-ик, ш-ши-ик, ш-ши-ик...

Внезапно сбоку скрипнула дверь. Узкая полоска света, медленно расширяясь, пробивалась в темную комнату. Девушка невольно скосила глаза: в тускло освещенном дверном проеме возвышался мужской силуэт – тот самый. Электричество в прихожей выхватывало вошедшего рельефно и скупое: это был высокий, светловолосый, атлетического сложения мужчина. Глаза его, округлые и чуточку навывкате, влажно блестели. Не произнося ни слова, он медленно шагнул в комнату, присел на краешек кровати. И вновь в руке его блеснуло лезвие ножа. Нож этот – массивный, с рельефным кровостоком и ограничителем рукояти, явно охотничий, немного походил на бутафорский кинжал и оттого выглядел еще страшней. Девушка затряслась крупной дрожью, пытаясь отстраниться к стене, но светловолосый, легонько проведя острием по шее жертвы, прошептал почти ласково: – Не бойся меня... Это не больно.

Острие медленно ползло от шеи жертвы все выше и вы-

ше: к подбородку, к уху, к виску... На царапине выступили крупные капельки крови, и в уголках рта насильника закипела слюна. Прощаппав висок, острое ножа уперлось девушке в переносицу, и светловолосый, зажав указательным и средним пальцем завиток на лбу жертвы, с неожиданной быстротой отхватил волосы лезвием. Поднес к своему лицу, понюхал, медленно растер между пальцами и вдруг захихикал:

– А за-апах... Это твои кобеля тебе такие дорогие духи дарят? А другие волосы тоже ароматизируешь, да?

Девушка попыталась было отстранить голову – острое ножа уперлось в подушку.

– Вы... что хотите? – свистящим полусшепотом спросила она.

– Тебя, – плотоядно улыбнулся светловолосый, и эта жутковатая улыбка окончательно убедила жертву, что перед ней – маньяк.

– Развяжите меня... Я все сама сделаю, что вы от меня хотите, – попросила девушка убито, явно не веря в то, что эта просьба будет исполнена.

Как ни странно, маньяк послушно перерезал веревки, которыми пленница была привязана к койке. Дважды, будто случайно, легонько кольнул ее ножом между грудей и, заметив на лице пленницы гримасу боли, улыбнулся. Пружинисто поднялся с кровати, щелкнул выключателем света... Ярко-желтое электричество резануло в глаза девушке, но уже секунду спустя она поднялась и, боясь что этот страшный

мужчина вдруг передумает, принялась раздеваться. Одну за другой расстегнула маленькие пуговички блузки, нервно повела плечами, сбрасывая ее на пол. Затем, не расстегивая, поспешно сняла через голову бюстгальтер, немного застеснялась, прикрывая полную грудь руками.

– Ну, давай же, давай... – хищным шепотом подбадривал насильник. – Долго мне ждать?

Ломая длинные наманикюренные ногти, она судорожно расстегнула пуговицы юбки.

Мужчина уселся на кровать и приказал властным жестом: мол, ко мне подойди! Она приблизилась осторожно, словно боясь обжечься об него коленями. Насильник взял девушку за мизинцы и медленно развел руки в стороны. Она так и осталась стоять – нагая, с огромными грудями. А он, отложив в сторону нож, неторопливо, деловито расстегнул штаны и с внезапным остервенением завалил жертву на кровать. И, когда все было кончено, внезапно позволил:

– Ладно, хрен с тобой, одевайся!

Еще не веря в свое чудесное спасение, девушка нагнулась, чтобы поднять лежавшее у кровати белье...

Но в этот самый момент на ее голову обрушился страшной силы удар: тяжелая рукоять ножа наискось рассекла кожу затылка, и жертва, обливаясь кровью, свалилась на паркет. А маньяк, нагнувшись, быстро перевернул ее на спину и, резко приподняв подбородок, полоснул лезвием по горлу. Девушка захрипела, забилась в агонии, затем выгнулась

и вдруг обмякла.

Выйдя из комнаты, мужчина вернулся с видеокамерой, включил свет, установил камеру на штативе объективом к труп. И, плотоядно посматривая на обнаженное тело, залитое кровью, принялся неторопливо раздеваться...

* * *

В половине восьмого утра военный пенсионер, живший в типовой пятиэтажке, обычно выводил выгуливать пса. Огромный черный ротвейлер с рыжими подпалинами отлично знал утренний маршрут. Предвкушая удовольствие от утренней прогулки, пес уже в подъезде радостно скулил, тянул поводок в сторону небольшой бетонированной площадки с мусорными баками: на этом месте хозяин иногда отпускал его порезвиться.

– Сейчас, дорогой, – с трудом удерживая поводок, увещевал хозяин, закрывая входную дверь. – Идем, идем, никуда от тебя прогулка не денется...

Сперва все шло, как обычно. Пес привычно вел хозяина вверх по пустынному переулку, а старик, по обыкновению, одергивал четвероногого друга:

– Не спеши, дорогой, я ведь не такой молодой, как ты, сил нету...

Неподалеку от темно-зеленых мусорных контейнеров пес повел себя как-то странно: остановился, понюхал воздух и

резко, будто бы по команде, метнулся в сторону огромной хозяйственной сумки из полосатой клеенки, непонятно кем и зачем оставленной между баками. Поводок, натянувшись, завибрировал струной.

– Фу! – не поспевая за псом, скомандовал хозяин. – Фу, кому сказано!

Но остановить ротвейлера было уже невозможно: вырвавшись из рук старика, пес с рычанием подбежал к клеенчатой сумке и вцепился в нее клыками...

Догнав собаку, хозяин хотел было вновь скомандовать «фу!», но, едва взглянув на содержимое сумки, уже вывернутое на асфальт, остолбенел: у мусорки, жутко скалясь мелкими зубами, лежала человеческая голова. Остекленевшие глаза смотрели прямо на старика, и от этого взгляда пенсионер едва не лишился чувств...

Схватившись за сердце, он прислонился к каменному парапету, зажмурился, словно увиденное – галлюцинация. Но это было не наваждение: открыв глаза вновь, хозяин пса вновь столкнулся с пустым взглядом отчлененной головы.

– Боже мой... – только и сумел прошептать он.

Пенсионер даже не пытался отогнать пса от сумки – озверевший ротвейлер остервенело грыз какой-то огромный бесформенный кусок мяса, залитый кровью. И лишь придя в себя, старик, забыв о псе, судорожно нащупал в кармане мобильник и позвонил в милицию...

Семнадцатого апреля, то есть спустя два дня после убийства, практически во всех крымских газетах появилось сообщение о страшной находке в Ялте.

Печатные живописания леденили душу. Репортеры, смакуя подробности, не просто пугали читателей «расчлененкой» (кого нынче таким удивишь?), а еще акцентировали внимание на характерной детали: труп анатомирован мастерски, к тому же, по заключениям экспертов, преступник совершил половой акт с уже мертвым телом. Все это наталкивало на очевидное заключение: на самом популярном крымском курорте завелся не просто убийца, а самый настоящий маньяк, Джек-потрошитель.

Милиция довольно быстро установила личность погибшей: ею оказалась Светлана Красильникова, 1987 года рождения, официантка ресторана «Красный лев». По факту убийства было возбуждено уголовное дело. Комплекс оперативно-разыскных мероприятий ничего не дал.

И лишь когда информация о найденном расчлененном теле и кровавом маньяке просочилась в центральную прессу, туроператоры схватились за голову: такое ЧП в Ялте, да еще накануне сезона, совершенно не к месту и не ко времени. Кто поедет отдыхать в знаменитую крымскую здравницу, если там насилуют, убивают и расчленяют трупы?

Глава 2

Нет путешествия лучше, чем поездка весной в поезде, идущем на юг! Бежит, плавно качается купейный вагон на рессорах, за стеклами проносятся зеленые поля, радуют взгляд цветущие пристанционные сады, добрая толстая тетя-проводница в отглаженной форме разносит по вагону чай...

Приблизительно так думали пассажиры купейного вагона, идущего в Симферополь, когда сам поезд шел по цветущей равнине. Илья Корнилов, сидевший у окна, чему-то задумчиво улыбался. Безногий Дима Ковалев, примостившись на полке в углу, жадно рассматривал железнодорожные пейзажи. Сидевшая напротив брата Оксана, казалось, прекрасно понимала чувства безногого; ему так хотелось оказаться во время остановки на перроне!

– Потерпи, Димочка, через сутки Крым, – со вздохом напомнила она. – Там и погуляем...

– Гулять – понятие емкое, – улыбнулся Илья, извлекая из целлофанового пакета две поллитровки водки, несколько бутылок пива и огромную воблу. – Можно и тут погулять... Пока в Крым не приехали.

– Илюша, а без этого никак нельзя было обойтись? – с укоризной проговорила девушка.

– Да ладно тебе, Оксана! – отмахнулся бывший сержант

ВДВ. – Сама говоришь, что до Крыма почти сутки езды. Что еще в пути делать-то? – подмигнул он товарищу. – Ну-ка, повлияй на сестру!

– Оксана, мы с Илюхой мужики или нет? – с напускной строгостью спросил Дима.

– Ну, мужики... Кто же спорит!

– А коли так – можем мы с ним, как мужик с мужиком, выпить? Да и почти родственники, как ни крути, – высказал главный аргумент парень.

– Почему это почти? – искренне удивился Илья и, усевшись рядом с Оксаной, погладил ее по округлому, чуть заметно выпирающему животу. – Через шесть месяцев она мне сына родит... а тебе племянника. Так что давай, кем ты там мне приходишься, шурином, что ли... Наливай!

– А если у меня все-таки дочь родится? – спросила девушка, видимо, с явной надеждой, что так оно и произойдет.

– Я тебе дам дочь! Я все-таки сына заказывал...

Пока Дима открывал поллитровку, Илья полез в дорожную сумку, извлек газетный сверток с колбасой и консервами, несколько огурцов и надрезанную буханку хлеба. Сунув руку в боковой карман, достал большой нож с длинным листовидным клинком и небольшой гардой.

– Ого, – удивился Дима, ставя открытую бутылку на столик, – боевой нож... Такие только офицерам выдавали.

– От покойного ротного остался, – бросил Илья, нарезаая колбасу.

– Не боишься такой с собой таскать? Все-таки холодное оружие, срок могут впать.

– Ну, сейчас за что угодно и кому угодно срок могут впать, – резонно заметил Корнилов. – Время такое. Хоть у нас, хоть тут, в Украине... Ладно, посидите, а я сейчас к проводнице сбегая, за стаканами.

Атмосфера весеннего благодушия, калейдоскоп апрельских пейзажей за окнами, предвкушение беззаботного отдыха в Крыму – все это пьянило не меньше спиртного. И захмелевший Илья, развалившись на нижней полке со стаканом в правой руке и бутербродом в левой, размышлял:

– Как приедем – сразу на набережную, в тот же день, не откладывая. И гулять, гулять, гулять до утра, на волны смотреть, морским воздухом дышать! Представляете – до двадцати четырех лет дожил, а Черного моря ни разу не видел!

– А я вообще моря в своей жизни не видела... Никакого, – призналась Оксана. – Какое уж в нашем Новокузнецке-то море? Народ у нас и по Турциям катается, и по Египтам, а мы сидим, как кроты, света Божьего не видим. Послушайте, а мы ведь до сих пор еще не решили, куда отправляемся: в Гурзуф, в Евпаторию, в Алушту...

– Да в Ялту, куда же еще! – безапелляционно заявил Илья. – Все говорят: если уж проводить время в Крыму, то только в Ялте. Правда, до купального сезона далековато, да ничего, найдем, как время провести. Да и денег должно хватить...

Вряд ли даже самый искушенный психолог смог бы найти в облике Ильи Корнилова что-нибудь выдающееся. Обыкновенный молодой человек, каких в любом городе – сотни: простодушное лицо, волевой подбородок, коротко стриженные русые волосы, открытый взгляд стальных глаз...

Уроженец небольшого подмосковного городка, ничего выделяющегося в биографии: школа, «бурса», армия. Правда, в отличие от многих сверстников, Илья попал служить в десантуру, на Северный Кавказ, где было всякое...

Корнилов не любил вспоминать свое участие в антитеррористических операциях. Призывали в армию, отправили в учебку, затем – в школу сержантского состава. Дали в руки автомат и отправили на Кавказ. А там выбора не было: не выстрелишь во врага первым – выстрелят в тебя, не убьешь ты – убьют не только тебя, но и, возможно, твоих друзей и близких.

Такая жизнь, как правило, ожесточает. Люди, побывавшие в таком горниле, часто или черствеют, или сходят с ума, или замыкаются в себе. С Корниловым же не произошло ни того, ни другого, ни третьего. Наоборот – по возвращению с Северного Кавказа у Ильи донельзя обострилось чувство справедливости. Люди, хорошо знавшие Корнилова, не сомневались: если он что-то решил, то будет идти до конца,

чего бы это ему ни стоило. И в противостоянии со злом, каким бы сильным оно ни казалось, Илья всегда выходил победителем...

И теперь, после всех злоключений, Илья вместе с Димой и его сестрой Оксаной, ставшей невестой Корнилова, ехали отдыхать в Крым. Бежал, качался купейный вагон, мерно стучали колеса на стыках, поскрипывали на поворотах рессоры, и с каждой минутой полуостров Крым становился все ближе и ближе...

* * *

Ялта в тот апрельский день была прекрасной, как никогда. Крутые каменистые склоны песчаника, залитые щедрым солнцем, ослепляли своей белизной. Ряды стройных платанов, сбегавшие вниз, к синеющему морю, благородная зелень пиний и кипарисов, сквозь которую белели прибрежные домики, величественные горы со снеговыми вершинами – все это радовало глаз и душу.

Морской простор наливался васильковой синью. Радостно струился, пронизывая набережную, ветерок. Весеннее солнце как никогда было щедрым на затейливую игру полутонов на поверхности моря, и Илья, подкатив Димину инвалидную коляску к пирсу, не мог удержаться от восклицания:

– Хорошо-то как! А мы сидим по своим берлогам и ничего не видим!

Илья, Оксана и Митя приехали в Ялту всего полтора часа назад. Попросив девушку постоять с братом, Корнилов за каких-то четверть часа снял в квартирном бюро меблированную двухкомнатную квартиру в самом центре. Местожиительство было выбрано удачно – и от набережной недалеко, и овощной рынок рядом.

Оставив вещи на новом месте, молодые люди поспешили на набережную. И теперь, переводя восхищенные взгляды с моря на горы, неторопливо прогуливались, наслаждаясь свежим морским ветерком.

– И жизнь хороша, и жить хорошо, – улыбался беззаботно Корнилов.

– Так ведь в Ялте только про маньяка и говорят, – напомнила Оксана; она уже успела прочитать местные газеты, и информация о душегубе не на шутку напугала ее.

– Видишь, Ксюша, сколько отдыхающих уже понаехало, – беспечно проговорил Дима, указывая взглядом на людской водоворот на набережной, – и никто этого маньяка не боится.

– Это на тебя беременность так повлияла, – подхватил Илья. – Нет на свете такого места, где бы когда-нибудь кого-нибудь не убили. А потом, знаешь, Оксана: все страшное, что могло в нашей жизни случиться, уже случилось. Что с нами еще может произойти?

Глава 3

Если всю ночь снится сырое мясо – жди неприятностей.

В справедливости этого утверждения симферопольский бизнесмен Василий Аркадьевич Азаренок убеждался неоднократно. Он зачастую верил своим сновидениям не меньше, чем цифровым столбикам бухгалтерских документов.

Торговать, как известно, можно чем угодно: цветными металлами, ценными бумагами, автомобилями, лесом, спиртным, оружием и даже людьми. Василий Аркадьевич торговал отдыхом, и весьма прибыльно: принадлежащее ему туристическое агентство с архаичным советским названием «Главкрымкурорт» считалось в Крыму едва ли не самым успешным. Однако в каждом бизнесе случаются форс-мажоры, и туристический – не исключение...

Сидя в офисном кабинете, Азаренок в который уже раз просматривал «Курортные ведомости» с ледянящей душу статьей о жертве маньяка. Прочитав газету и отложив ее, Василий Аркадьевич невольно вспомнил сегодняшнее сновидение: огромный эмалированный таз, а в нем – целые груды сырого мяса, красного, парного, с рваными кровавыми ошметками...

Было очевидно: если в преддверии сезона о маньяке и его жертве станет известно дальше Большой Ялты, на всем сезоне можно ставить крест. А уж если об этом психе поведает

хоть один российский телеканал – курортник подхватит чемоданы и улетит куда-нибудь в Анталию или Хургаду. А это для крымского туроператора убыток, исчисляемый десятками миллионов долларов... И еще неизвестно, как аукнется это на следующий сезон.

Вот и выходило, что назревший скандал следовало гасить на корню. Тем более что у Азаренка были свои люди в милицейском управлении Автономной Республики Крым.

Нажав кнопку селектора внутренней связи, хозяин кабинета сказал секретарше:

– Катя, ты в Управление МВД уже позвонила, как я просил? Что – уже у меня? Так чего же не приглашаешь?!

В дверь осторожно постучали.

– Войдите! – бросил Василий Аркадьевич.

Начальник следственной части полковник Воскряков был старым приятелем Азаренка. Вместе ходили в сауну, вместе ездили на охоту, вместе отдыхали на Ай-Петри. Впрочем, связывали их и некоторые деликатные финансовые отношения, о которых ни владелец «Главкрымкурорта», ни его милицейский друг предпочитали не распространяться.

– Что скажешь о маньяке? – поинтересовался Василий Аркадьевич, едва поздоровавшись.

– Ищем, – туманно ответил Воскряков.

– А почему об этом жутком убийстве в Ялте вообще стало известно журналистам?

Воскряков откашлялся.

– В городе поползли слухи. Говорили не об одном, а сразу о нескольких расчлененных трупах, и чтобы пресечь криво-толки, пресс-служба МВД была вынуждена сделать официальное заявление... Это как раз тот случай, когда из двух зол пришлось выбрать меньшее.

– А если, не дай бог, завтра вы найдете второе расчлененное тело? А послезавтра – третье? Как тогда будете опровергать?

– Мы обязательно «закроем» этого психа, – принялся оправдываться милиционер таким тоном, будто бы его отчитывал непосредственный начальник, – по всему полуострову введен план «Перехват», задействован комплекс оперативно-разыскных мероприятий...

– И что, перехватили кого-нибудь? – с нескрываемой иронией поинтересовался Азаренок.

– Пока никак, – честно признался Николай Степанович. – У нас ведь почти ничего нет: ни примет убийцы, ни свидетельских показаний... Фильтруем всех подозрительных лиц и вообще всех, кто может быть на такое способен.

– Маньяка надо во что бы то ни стало найти, – строго сказал Азаренок. – Найти и предъявить общественности: смотрите, мол, граждане, и ничего не бойтесь. Да, был тут такой негодяй, терроризировал женщин, но доблестная крымская милиция изловила его, и теперь он не опасен... Так что можете смело приезжать в Ялту на отдых, привозить свои деньги и тратить их тут, сколько пожелаете. Понимаешь, о чем я?

Естественно, начальник следственной части прекрасно понял незамысловатый подтекст сказанного. Но были у него и свои контраргументы:

– Поймать убийцу и заставить его сознаться – дело техники. Но ведь настоящий убийца наверняка не остановится. А потом, если выяснится, что милиция «закрыла» невиновного... Сами понимаете: прокурорская проверка, служебное расследование, головы и погоны полетят со свистом... А мне всего полтора года до пенсии.

– Давай так, – прищурился Азаренок. – Я не буду тебе сейчас рассказывать о возможных потерях прибыли «Главкрымкурорта», а расскажу, чем эта ситуация грозит всему Южному берегу Крыма. На курорт, где орудует маньяк, помешанный на «расчлененках», никто и никогда не поедет. Сезон будет провален. Меньше денег получит Крым, меньше прибыли получу я... А значит, и ваша ментура, и ты лично. Ты не помнишь, кто вашу милицию спонсирует? Кто, например, регулярно покупает новые компьютеры для вашего долбаного управления, кто оплачивает ваши идиотские программы... Кстати, а новый служебный автомобиль у тебя откуда взялся? Позабыл?

– Да все я помню! – печально проговорил мент. – И тебя, Вася, понимаю прекрасно. Ну, хорошо: допустим, найдем мы какого-нибудь подходящего типа и уговорим его сознаться. И даже по телевизору покажем. А если после этого в Ялте опять всплывут расчлененные трупы?

– Я вообще-то не мент, – медленно проговорил хозяин «Главкрымкурорта». – Но будь я ментом, то сделал бы так. ЛоЕвите серийного убийцу... или человека, похожего на серийного убийцу, тут без разницы. Предъявляете журналюгам. Крутите с ним интервью по телевизору. О подробностях не распространяетесь – мол, презумпция невиновности, тайна следствия и все такое. В случае новых преступлений делаете все возможное, чтобы информация о них не попала в киевские и московские газеты, на радио и так далее. А уже потом, ближе к осени, выпускаете этого лжеманьяка и занимаетесь поисками настоящего убийцы. Главное теперь – не провалить сезон. Идет?

– Я подумаю, – серьезно ответил Воскрязков. – Хотя сделать это довольно сложно. Тем более что по закону такими делами занимается прокуратура, а у нас с ними отношения натянутые. Ну, сам понимаешь: «мушкетеры короля и гвардейцы кардинала».

– Кстати, в Симеизе, где у меня загородный дом, есть один прекрасный участок, совсем рядом с морем, – прищурился Азаренок. – Он мне за долги ушел, но, если хочешь, могу продать по символической цене. Подумай над моим предложением. И я подумаю... Договорились?

* * *

Легко сказать: отыскать маньяка за какие-то полтора ме-

сяца, остающиеся до начала курортного сезона. Отыскать, не имея почти никакой исходной информации. Это все равно, что пойти туда, не знаю куда, найти то, не знаю что... Однако серьезность ситуации была очевидна для всех, а потому уже на следующие сутки крымская милиция была переведена на усиленный режим работы.

Уже к девятнадцатому апреля на столе Юрия Александровича Патрикеева, прокурорского следователя по особо важным делам, который возглавил оперативно-следственную бригаду, лежали документы на жителей Большой Ялты, проходивших в свое время по насильничьим статьям, а также на бывших пациентов психиатрических лечебниц закрытого типа, выписанных из стационара.

Как ни странно, но из этого разношерстного контингента подозревать было некого, или почти некого. Бывшие подследственные, проходившие в свое время по соответствующим статьям, на кровавых маньяков никак не тянули. В основном это были пожилые мужчины, здоровье и психику которых начисто подорвали тюрьмы, этапы и лагеря. К тому же, согласно их старым уголовным делам, никто из подозреваемых прежде никогда не расчленял тела своих жертв.

Перечень людей с устойчивыми отклонениями психики также ничего не прояснил. На всю Большую Ялту таковых отыскились лишь трое: один, безнадежно парализованный старик, жил в Гурзуфе, другой, безобидный сборщик стеклотары, бомжевал где-то в Алупке, третий на момент убийства

вновь попал в психлечебницу и потому имел стопроцентное алиби.

А потому единственно правильный вывод напрашивался сам по себе: маньяк наверняка не ялтынец и даже не крымчанин, а кто-то чужой, залетный. Впрочем, чему уж удивляться: приезжих на Южном берегу Крыма никак не меньше, чем местных. Так почему же среди них не может быть насильника и убийцы?

Начальник следственной части Воскрязков звонил Юрию Александровичу едва ли не каждый день – справлялся, как идет поиск, каковы успехи, какая требуется помощь. Увы! Кроме рабочей версии о «приезде», Юрию Александровичу Патрикееву похвастаться было нечем. Во всяком случае – пока...

Глава 4

В каждом городе есть места, где не гаснет по ночам электричество, где не смолкает до утра музыка, где веселье бьет через край, где праздник жизни завершается лишь с рассветом. И в беспечной, вечно расслабленной Ялте таких мест, конечно же, больше, чем в любом другом городе.

Дискотека «Артемида», что на набережной, всегда слыла в городе местом темным и подозрительным, а в ночное время – и небезопасным. В «Артемиде» в любое время можно найти любые наркотики, от «шмали» до дорогого кокаина. В «Артемиде» всегда можно купить дешевую проститутку. В «Артемиде» почти каждый вечер можно получить бутылкой по голове или кастетом в челюсть. В «Артемиде» иногда даже стреляют, и притом не только из «травматиков», но и из боевого оружия. Именно потому тут по нескольку раз в неделю устраиваются широкомасштабные ментовские облавы.

Тем не менее «Артемида» каждый вечер забита до отказа.

Вечер двадцатого апреля ничем не отличался от десятков и сотен точно таких же вечеров. Едва охранник «Артемиды» открыл дверь, молодые люди, ожидавшие у входа, шумно повалили в зал. И начался праздник жизни...

...Приблизительно в половине двенадцатого ночи у фасада гостиницы «Таврида», что неподалеку от дансинга, остановился белый «жигуль». Высокий светловолосый мужчи-

на хлопнул дверкой, сунул в карман ключи и, напряженно оглянувшись по сторонам, двинулся в сторону «Артемиды». Закурил, постоял у входа, словно раздумывая, подниматься ему в дискотечный зал или нет, покрутил на пальце брелок с автомобильными ключами и, нервно швырнув сигарету на тротуар, решительно шагнул в ярко освещенный дверной проем.

Дискотечное веселье было в самом разгаре. Гремели на подиуме колонки, с полсотни завсегдатаев остервенело вколачивали каблуки в настил пола, выбивая ритм, и радужные блики цветомузыки ложились на их лица бесовскими пятнами.

Светловолосый явно выделялся среди собравшихся: и более зрелым возрастом, и манерой держаться – куда более скованной, чем у любителей танцевального марафона. Подошел к бару и, предусмотрительно спрятав в карман левую руку с отсутствующим большим пальцем, заказал минералки, повертел головой, словно кого-то искал.

Уже на лестнице мужчина обратил внимание на двух девушек – типичных «телок на съем», как говорят ялтинские гопники. Девушки были молодыми, не старше семнадцати, и явно нетрезвыми. Не по годам развитая шатенка что-то рассказывала блеклой блондинке. Светловолосый мужчина прищурился. В узком тесном коридорчике шатенка, бочком протискиваясь на улицу, случайно скользнула бюстом по плечу светловолосого. Касание это вышло невольным, мгновен-

ным, но глаза мужчины сразу же подернулись поволокой.

Выйдя во дворик, девушки закурили, продолжая беседовать о своем. Светловолосый зашел в тень за дерево, встав вполоборота – так, чтобы не быть замеченным. Низкий, грудной голос шатенки необычайно его возбуждал. Сунув сигарету в рот, долго не мог прикурить – руки его дрожали от перевозбуждения.

– Ну, так я пошла, – бросила шатенка.

Зацокали по асфальту острые каблучки, и светловолосый, будто притягиваемый к девушке магнитом, пошел следом. Он двигался, словно лунатик – спотыкался о высокие ступеньки, несколько раз зацепился о передки припаркованных в переулке автомобилей.

Девушка шла неторопливо, вразвалочку – видимо, выпила она за сегодняшний день и впрямь немало.

– Алё, барышня! – позвал светловолосый. – Можно вас на минуточку?

Девушка лениво обернулась. В глазах ее не было страха – видимо, мужчина, одиноко идущий следом, не внушал никаких опасений.

– А-а?

Светловолосый подошел поближе.

– Девушка, а можно с вами познакомиться? Хотя я и так знаю, что вас Таней зовут...

– Ну и что?

– Тань, я в вашем городе недавно, ничего не знаю... – при-

знался мужчина. – Не подскажите, где тут у вас отдохнуть можно? Вы уж извините меня за бестактность...

– Если денег много, то везде! Хоть в «Артемиде».

– Да скучно там, и музыка слишком громкая. Таня, ты не подумай ничего... – перейдя на «ты», продолжал мужчина. – Я только сегодня утром в ваш город приехал, никаких знакомых... Между прочим, я на машине, – с улыбкой добавил он.

На лице Тани отразилась работа мысли. Мужчина ей явно понравился – высокий, стройный, приятный в обращении и, судя по всему, не жадный. К тому же только что приехал в Ялту – стало быть, при деньгах, не успел растратиться. Да и на собственной тачке, что также немаловажно.

– В «Интуре» можно хорошо посидеть, – после непродолжительного размышления произнесла девушка.

– А где это?

– «Интурист-Ялта». Вон, спустишься на набережную и сразу увидишь – слева такое большое-большое здание, огня-ми переливается, – Таня, особо не комплексуя, тоже перешла на «ты».

– Может, составишь компанию? – с напряженной улыбкой предложил светловолосый, извлекая из кармана ключи от машины. – Я ведь дороги не знаю, темно теперь, спросить не у кого... Мне до твоей «Интуры» часа два придется добираться...

– А ты один в Ялту приехал? – осторожно спросила Таня, сясь рассмотреть, есть ли на руке нового знакомого обру-

чальное кольцо.

– Ну да... А что? Да не смотри на меня так, не женат я, – светловолосый, явно осмелев, бесцеремонно приобнял девушку за талию – та не противилась.

– Вот если бы с приятелем каким приехал, можно было бы мою подружку с собой прихватить, – с подкупающей искренностью призналась девушка.

– А зачем нам теперь подружка? – улыбнулся мужчина, увлекая спутницу за собой. – Так что – едем?

Спустя несколько минут они уже садились в белый «жигуль», припаркованный у «Тавриды». Конечно же, девушка не обратила внимания, что номера на машине крымские, что «приезжий», никогда прежде не бывавший в Ялте, подозрительно хорошо знает этот район, что из темного переуллка с многочисленными разветвлениями тупичков выруливает слишком уверенно...

Спустя несколько минут автомобиль выехал на пустынную улицу Кирова. Девушка, развалившись на переднем сиденье, бесцеремонно закурила, кокетливо заложила ногу за ногу – так, чтобы водитель смог оценить длину ног, – и поинтересовалась:

– Слушай, а тебя как зовут?

Сидевший за рулем сделал вид, что не расслышал вопроса.

– Теперь куда?

– Направо.

К удивлению девушки, светловолосый почему-то свернул налево.

– Ты чо, глухой? – не поняла та. – Направо надо было!

– Я там проезжал только что. За углом менты стоят, а я сегодня немного выпил, – признался новый знакомый и, скользнув откровенным взглядом по голым коленкам девушки, неожиданно принялся выруливать в темный переулок. – Слышь, я тут хату снял, сейчас на минутку заскочу, еще де-нег возьму.

Минут через пять «жигуль», освещая пронзительно-желтыми конусами фар углы зданий, остановился перед типовой пятиэтажкой.

– Ждать долго? – стряхивая сигарету в пепельницу, спросила шатенка.

Светловолосый криво заулыбался – девушка сама шла в западню. Глаза его затлели зеленым тигриным светом, губы сжались, скулы заострились.

– Докурить не успеешь, как вернусь... Слушай, а давай ко мне на минутку! Да не бойся ты, я ведь не маньяк какой-нибудь...

* * *

Труп очередной жертвы ялтинского потрошителя был обнаружен двадцать первого апреля. Убийца даже не затруднял себя поиском места для сокрытия тела: девушка, совершен-

но обнаженная, была завернута в огромный целлофановый пакет и оставлена в леске неподалеку от узкой асфальтовой дороги, ведущей к «Поляне сказок».

Первичный осмотр местности не дал никаких зацепок. Было лишь очевидно, что тело выброшено из машины, и это позволяло предположить, что душегуб имеет собственный автомобиль. Опрос гайшников окрестных пикетов также не выявил ничего подозрительного. «Да тут рядом оживленная трасса на Севастополь, машин что ночью, что днем... Всех и не упомнишь!» – констатировали дорожные милиционеры и, конечно же, были правы.

Зато результаты патологоанатомической экспертизы подтвердили самые худшие подозрения. Как и в случае с погибшей официанткой из «Красного льва», маньяк не только убил жертву, но и совершил половой акт уже с мертвой.

Ни к чему не привела и попытка сбора так называемого «генетического материала», по которому можно было бы идентифицировать убийцу: на теле погибшей не было найдено микрочастиц слюны, спермы и крови. Это обстоятельство, а также влажные волосы на голове убитой подтверждали очевидное: прежде чем вывезти труп за город, насильник тщательно вымыл его под проточной водой.

Два зверских убийства за пять дней – такого в истории Ялты еще не бывало. Как ни стремились менты сокрыть сам факт второго убийства, о нем стало известно уже в тот же день. Город оцепенел от ужаса, и даже самые недалекие горо-

жане отлично поняли, чем все это грозит: полным провалом сезона и, как следствие, жутчайшей финансовой катастрофой. Скандал следовало погасить всеми доступными средствами, убийца должен быть обезврежен в кратчайшие сроки и продемонстрирован встревоженной курортной общественности, а потому на раскрытие обоих преступлений были брошены лучшие сыскари – как ялтинские, так и симферопольские.

Уличные менты, патрулирующие город-курорт, получили инструкцию – взять под присмотр людные места, где обычно бывает много одиноких девушек: дискотеки, ночные и музыкальные клубы, стриптиз-шоу. В наиболее популярных заведениях, вроде «Артемиды», каждый вечер ошивалось по несколько одетых в штатское оперативников. Пришлось поднапрячь и «внештатных сотрудников»; им вменялось сообщать обо всех подозрительных мужчинах, проявляющих интерес к девушкам.

Как и следовало ожидать, меры эти ни к чему не привели. Дискотек, ночных клубов и круглосуточно работающих ресторанов в Большой Ялте великое множество: чтобы посадить в каждое заведение хотя бы по одному оперативнику, следует мобилизовать едва ли не весь уголовный розыск Крыма. А вменять стукачам «сообщать обо всех подозрительных мужчинах, проявляющих интерес к девушкам» по крайней мере глупо: если уж в курортном городе шлюх не снимать, то где же тогда?

Зато такая утечка информации – от гаишников до стукачей – явно не придавала популярности Ялте как месту летнего отдыха. Уже на следующий день после страшной находки в районе «Поляны сказок» в местной газете появилась заметка, напоминающая пересказ сцены фильма ужасов. Стараниями «Главкрымкурорта» и его хозяина Василия Аркадьевича Азаренка журналистов быстренько поставили на место, но уже спустя день этот же материал был перепечатан популярным киевским еженедельником, а затем – и московским.

Как бы то ни было, но время даже не шло – летело, до наступления сезона оставалось все меньше и меньше, и никто не верил, что в ближайшие дни убийца будет найден...

Глава 5

Среди коричневых и красных черепичных крыш, среди узеньких улиц, петляющих между каменными заборами и глухими стенами домов, в зыбкой ясности погожего апрельского дня открывалась панорама Ялты.

Абрикосы и яблони свешивали ветви через заборы, роняя на землю отцветшие облетающие белоснежные лепестки. Черноголовые ласточки стремительно прочеркивали пронзительно голубое небо, не замутненное ни единым облачком. Нежные гроздья глицинии, обвивающие балкончики вилл и коттеджей, раскрашивали городской пейзаж в сиреневые и кремовые тона. И даже горы, обступающие город с трех сторон, казались в то утро не суровыми и угрюмыми, как обычно, а торжественно-праздничными.

– Ну что, Илюша, – теперь на набережную? – дождавшись, когда Корнилов спустит с лестницы инвалидную коляску с братом Димой, спросила Оксана и взяла жениха под руку.

– А где тут еще гулять можно? – ответил Илья вопросом на вопрос. – Жаль, вода еще холодная, хоть на пляж бы ходили...

– Я вчера местную газету смотрел, обещают с первого мая пляжи открыть, – отозвался из своего кресла Дима. – Сегодня что у нас? Двадцать второе апреля? Чуть больше недели осталось, можно и потерпеть.

– А ты плыть-то сможешь? – Корнилов уже вывозил коляску на улицу.

– А почему бы и нет? В плаванье что самое главное? Руки. А они у безногих, как ты сам знаешь, крепкие... Знаешь, Илюха, никогда бы раньше не подумал, что когда-нибудь сюда попаду. Море, сады цветут, пальмы эти на каждом шагу, горы высоченные...

– Ну, на горы-то мы в свое время уже насмотрелись. Там, на войне, – справедливо напомнил Илья. – Ладно, покати-ли...

Спустя минут десять они окунулись в людской водоворот ялтинской набережной.

Гремели эстрадные шлягеры из открытых дверей ресторанов, и официанты, выстроившись в ряд, зазывали прохожих «посидеть недорого и вкусно». Крутились карусели, носились на скейтах беспечные ребяташки, пронзительно звучал баян уличного музыканта. Волнорезы щетинились удочками рыболовов-любителей. Казалось, лишь горы, зеленевшие слева, далеки от этой привычной курортной суеты.

Илья неторопливо катил перед собой инвалидную коляску с Митей, то и дело поглядывая на Оксану – мол, все ли нормально? Девушка улыбалась растерянно и смущенно, не зная, на чем зафиксировать взгляд – то ли на слепящей солнцем морской дали с белоснежным парусом у горизонта, то ли на благородной зелени горных вершин, то ли на уличных пальмах со смешными волосатыми стволами. Ни первого, ни

второго, ни третьего за свою жизнь в промышленном Новокузнецке она, естественно, не видала.

С ленцой, как и подобает настоящим курортникам, они прошлись до Приморского парка, полюбовались цветущим миндалем, со вкусом попили кофе на открытой террасе уличного кафе...

Городские часы на башне пробили шестнадцать ноль-ноль. Море, отражая высокое солнце, слепило глаза. На набережной все прибывала и прибывала толпа; казалось, весь город вышел порадоваться погожему апрельскому дню.

– Может, перекусим где-нибудь? – предложил Илья, скользя взглядом по вывескам уличных ресторанов. – Самое время обедать...

– Только без выпивки! – предупредила Оксана категоричным тоном.

– Почему это? – удивился Дима.

– Неужели в поезде было мало?

– Ну надо же нам хоть приезд отметить! – улыбнулся Илья и добавил примирительно: – Ничего, мы с Митей по чуть-чуть...

– Знаю я ваше «чуть-чуть»!

Найти едальню на ялтинской набережной – не самая большая проблема. Кафе, где было решено перекусить, находилось за ночным дансингом «Артемиды», рядом со станцией канатной дороги, памятной многим по фильму «Асса». Открытая терраса, щекочущий ноздри запах жареного шашлы-

ка, сноровистый официант, свежий бриз, море, блестящее за крышами домов, – что еще надо для полноценного отдыха?

– Короче, нам по горячему, по салатику, – едва ознакомившись с меню, бросил Илья официанту, – и... бутылку водки.

– Вы что – целую бутылку выпить собрались?! – изумилась Оксана и мельком взглянула на часы. – Ведь сейчас только половина пятого вечера! Ну, выпьете – а дальше что?

– А что там пить? Да ладно тебе, сестра, посидим, отдохнем культурно, – примирительно произнес Дима. – Надо же за приезд... Чтобы отдохалось хорошо.

– Мы напиваться не будем, точно тебе говорю! – пообещал Корнилов, и Оксане не оставалось ничего иного, как безучастно махнуть рукой: мол, что я одна могу с двумя мужиками поделать!

Увы, обещаниям мужиков не было суждено исполниться. Усталость, накопившаяся за сутки пути, резкая смена климата, обилие первых курортных впечатлений – все это дало о себе знать. Спустя какой-то час и Илья, и Дима были пьяны, и весьма.

– Ребята, может быть, хватит на сегодня? – осторожно спросила Оксана, прекрасно понимая, что одной бутылкой дело не ограничится. – Как мне вас потом на себе-то домой волочь? Ты-то сам дойдешь, а Митину коляску кто по лестнице поднимет?

– Да ладно тебе, доберемся как-нибудь, – легкомысленно

отмахнулся Илья, явно недовольный, что невеста перебила его на самом интересном месте; вот уже десять минут он спорил с Димой насчет ялтинского маньяка.

– ...Так вот о чем я, – нетерпеливо ерзая в инвалидной коляске, продолжал Митя, – поймают его, рано или поздно поймают – это факт. Да только вот не расстреляют. В Украине же мораторий на смертную казнь, как и у нас.

– А жаль, если честно. Чикатило-то поделом к «вышаку» приговорили! Как и всех остальных маньяков.

– Знаешь, Илюха, по большому счету все эти душегубы – просто больные люди, – вздохнул Дима. – Неужели человек в здравом уме станет расчленять тело красивой женщины? Только псих!

– Так что, по-твоему, коли он псих, его жалеть надо? Кормить, лечить, нянечку с рулоном бумаги нанять, чтобы попку ему вытирала? Лечить... А потом, когда из «дурки» выйдет, на работу устроить?

– Илюшенька, – подала голос Оксана. – Ну если этот человек болен, значит, его действительно надо лечить.

– А если собака больна бешенством, если она уже перекусила сотню человек – что, ее тоже лечить надо? Так она и врачей перекусает!

– А ты что предлагаешь?

– Да стрелять их, сук поганных, на месте стрелять, вот что! – Спиртное делало Корнилова агрессивным, и девушка уже несколько раз пожалела, что ввязалась в разговор.

– А если по ошибке кого-нибудь не того загребут, так что, тоже на месте стрелять? – вполне резонно возразил инвалид.

Илья промолчал, разлил по стаканам остаток спиртного, насупил брови.

Внезапно на душе сделалось мерзко, уныло и – совсем непонятно почему – очень одиноко. Курортные красоты больше не радовали взор. И горы, и даже море – все это казалось каким-то искусственным, бутафорским, словно кинематографические декорации. Но главным ощущением стало какое-то странное чувство озлобленности: и на разнеженную, жирующую курортную публику, и на официанта, который почему-то долго не появлялся на террасе, и даже на Митю с его непонятной жалостью к маньякам, но больше всего – на себя самого.

В душе Ильи рос нарыв раздражения, грозясь превратиться в опухоль. Он и сам чувствовал, что срывается с катушек, несется под откос, будто машина, потерявшая управление...

Если бы Корнилов был чуточку трезвей, то он, человек покладистый и неглупый, конечно, повел бы себя иначе. Но выпитая водка по-прежнему будоражила кровь, а осознание собственной правоты, пусть даже и в никому не нужном мелочном разговоре, провоцировало на конфликт.

Корнилов поднял стакан, взвесил его в руке, словно гирьку, вытянул руку.

– Ладно, Митя, давай выпьем за то, чтобы поменьше разной сволоты землю топтало, – нетвердым языком предложил

он.

– Давай... – Осушив стакан залпом, Ковалев потянулся к сигаретной пачке. – Только знаешь, Илюха, пей за это, не пей... Все равно сволоты куда больше, чем нормальных людей.

– Это ты, Митек, не прав, – все больше пьянея, перебил Корнилов. – Хороших людей всегда больше. Просто они не так заметны.

Разговор начисто потерял былую стройность. Как и водится в подобных застольях, собеседники слушали только самих себя, нимало не заботясь о том, чтобы их аргументы были понятны и другим. Наконец подоспел официант, и Илья, предвидя справедливую реакцию Оксаны, опередил ее напористой репликой:

– Командир, еще триста «белой»!

Официант рысцой помчался в буфет.

– Илюша, Димочка, сколько можно! – с ужасом воскликнула девушка.

– Сколько нужно! – отрубил Илья, да так громко, что сосед за столиком, старик с оттопыренными ушами, вздрогнул и долго вглядывался в профиль нарушителя общественного спокойствия.

– Илюша, Дима, давайте домой, вы уже перепили! – взмолилась Оксана. – Очень вас прошу... Ну пожалуйста! Илюша, ты ведь сам знаешь, что мне волноваться нельзя... Ну не ради меня, ради нашего будущего ребенка, прошу тебя, не

пей больше!

– Обожди... Чего мы сюда приехали? Отдыхать. А что за отдых без водяры?!

– Илюша!..

Раздражение, невесть почему возникшее в душе Ильи, усиливалось. Он отлично знал: в таких случаях лучше побыть одному – походить, успокоиться, подышать свежим воздухом, чтобы немного протрезветь... Главное, не дай бог, не сорваться, не наговорить лишнего, чтобы потом не жалеть о сказанном.

А потому, допив спиртное, Корнилов тяжело встал из-за стола и, не обращая внимания на причитания Оксанины, двинулся с террасы. Проходя между столиками, молодой человек случайно задел того самого старика с оттопыренными ушами, который несколько минут назад так неодобрительно смотрел на него. И, провожаемый его неприязненным взглядом, поплелся вниз, к многолюдной набережной.

– Илюша, ты скоро? – крикнула вдогонку Оксана.

– Сейчас, сейчас... – не оборачиваясь, хмуро отозвался Корнилов. – Извините, мне надо побыть одному.

* * *

Весной в Ялте смеркается быстро. Кажется, минуту назад небо над городом было еще голубым, море – синим, но едва солнце перевалило за рваную кромку гор, на город опустил-

ся сиреневый полумрак. И вот уже вспыхнули первые фонари, завертелись, замигали неоновые вывески ресторанов, заморгал алый глаз маяка, и набережная сразу преобразилась: вроде и море такое же, как полчаса назад, и дома те же самые, и сады, и парки, и горы... Но все-таки – чуточку другие, не похожие на себя прежних, дневных.

Илья не заметил, как стемнело. Покинув Оксану и Диму, он неторопливо прошелся до Приморского парка, свернул в первое попавшееся кафе, выпил еще одну «сотку», постоял у моря, вдыхая полной грудью свежий воздух... И лишь когда набережная загорелась огнями, он, окончательно успокоившись, решил вернуться.

Однако теперь, в густеющих южных сумерках, Илья долго не мог отыскать кафе, где его ожидали. Он то и дело сворачивал с набережной налево, но всякий раз переулок заканчивался или глухим темным тупиком, или какой-то длинной-предлинной аллеей, или парком. Корнилов попытался было вспомнить, как называется уличное кафе, но так и не вспомнил. Попробовал было воскресить в памяти какие-нибудь приметные детали...

И, к счастью, в памяти неожиданно будто выстрелило: фуникулер! Станция подвесной канатной дороги с разноцветными вагончиками была слева от уличного кафе, и отыскать ее было делом несложным.

Илья взглянул на часы – даже по самым скромным подсчетам выходило, что отсутствовал он чуть больше часа. Ощу-

щение раздражения, озлобленности на весь мир незаметно исчезло, уступив место чувству вины.

Ни Оксаны, ни Димы на террасе уже не было. Молодой официант вытирал столик, и Илья, подойдя к нему, спросил:

– Извините, тут девушка полчаса назад была и безногий парень в инвалидной коляске... Они давно ушли?

– Минут пятнадцать, наверное, или чуть больше, – безучастно откликнулся официант, сметая крошки на пол.

– А в какую сторону они пошли, вы случайно не заметили? – уже предчувствуя что-то недоброе, осведомился Корнилов.

– Извини, дорогой, если я еще буду следить, в какую сторону наши клиенты уходят и с какой стороны приходят, то за сутки работы свихнусь, – устало ответил собеседник.

Закурив, Илья неторопливо спустился к набережной. Постоял, повертел головой, пытаясь рассмотреть в вечерней толпе девушку с инвалидной коляской...

– Черт, какой же я идиот! – выругался он сам на себя. – И надо было же на ровном месте скандалить?! Что это на меня нашло?

Раз десять он набирал мобильный Оксаны, потом Дмитрия, потом вновь Оксаны. Ни один телефон почему-то не отвечал, и это настораживало. Поразмыслив, Корнилов решил возвращаться домой. И хотя скверные предчувствия не покидали его, разум подсказывал: ничего страшного не произошло и произойти не может. От набережной до магазина

«Хозтовары», над которым они сняли квартиру, не больше четверти часа неспешной ходьбы. Ключи от дома у Оксаны есть. Правда, волоочь коляску с безногим братом на третий этаж ей будет несподручно, но если поспешить...

Спустя десять минут Илья был у «Хозтоваров». Поднял голову, безошибочно определил свои окна. Ни в кухне, ни в комнатах свет не горел. Илья обошел двор – он почему-то подумал, что Оксана и Митя обязательно будут ждать его тут, не тащить же беременной девушке коляску по ступенькам!

Но и здесь ни Оксаны, ни Димы не было.

Ощущение тревоги усилилось, вытесняя все остальные чувства. Он уже почти протрезвел, и лишь скверный привкус во рту да гудение в голове напоминали о недавней пьянке.

– Какой же я дурак... – пробормотал молодой человек. – И надо мне было так далеко уходить?!

На всякий случай он поднялся в квартиру, включил свет. Спустившись на первый этаж, уселся на высокие ступеньки подъезда, закурил, задумался. Долго и пристально вглядывался в сумрак двора. Вновь попытался дозвониться до Оксаны и Димы. Оба телефона были отключены.

Илья не заметил, как погасла сигарета, зажатая между пальцами, не заметил, как медленно опустилась на колени голова... Он так и заснул, сидя на крыльце, с потухшей сигаретой в руке.

Глава 6

Небольшой поселок Ливадия, что в нескольких километрах от Ялты, знаменит прежде всего царским дворцом с музеем. Что вполне объяснимо: знаменитая Ялтинская конференция с участием Сталина, Рузвельта и Черчилля, судьбы Европы и вехи истории...

Но есть в Ливадии еще одна достопримечательность, о которой знают немногие. Элитная школа-интернат, открытая сразу после войны для отпрысков высокопоставленных чиновников, издавна слыла едва ли не самым престижным учебным заведением Крыма. Правда, порядки в этом интернате на редкость суровы: даже почти взрослым выпускникам строго-настрого запрещено покидать пришкольную территорию без воспитателей или родителей. Однако запреты для того и существуют, чтобы их нарушать. Так, во всяком случае, считают многие питомцы школы-интерната, особенно старшеклассники. Ведь в меню местной столовой нету ни пива, ни сигарет...

Вечер двадцать второго апреля выдался погожим и теплым. Море, сверкающее из-за благородной зелени парка, птичий щебет в древесных кущах, ощущение близкого конца учебы – все это навевало двум девятиклассникам ощущение безмятежности и благодати. Сидя у входа в жилой корпус, они беседовали о своем, о женском...

– Тьфу, опять левая грудь зачесалась, – призналась миниатюрная брюнетка с зелеными, как у кошки, глазами. – И к чему это, интересно?

– Если левая чешется, значит, о тебе думает кто-то близкий сердцу, но дальний по расстоянию, – с серьезным видом разъяснила подруга, – а если правая чешется, значит, наоборот: дальний по сердцу, но близкий по расстоянию...

– И кто же это? – Девятиклассница наморщила лоб. – Слушай, я так разнервничалась, что аж закурить захотелось. Ты не хочешь? Давай, сходим за школу, чтобы училки не засекли.

– Давай, – оживилась собеседница, – а у тебя сигареты есть?

– Еще на большой перемене последнюю выкурила. Я думала, у тебя есть...

– А у меня Татьяна Николавна отобрала; сказала, еще раз найдет – родителям заложит. Слушай, Катька, может, в магазин сбегает? Еще не поздно.

– Так ведь засекут...

– Да ладно тебе! Если Татьяна Николавна будет спрашивать, скажу, что в парке гуляешь, а если воспиталка – что в учебном корпусе. Кать, ну сгоняй ты, будь человеком!

Зеленоглазая Катька прикусила нижнюю губу. С одной стороны, курить ей, конечно, очень хотелось, но с другой – боязнь быть уличенной в страшном, по местным меркам, преступлении сдерживала порыв сбегать к ларьку за сигаре-

тами.

– Ладно, сбегаю, только смотри, не заложи...

Крадучись и поминутно озираясь на жилой корпус, Катя направилась в сторону выездных ворот.

К сожалению, единственный киоск, где можно было купить курево, оказался уже закрытым. Бабок-сигаретниц также не наблюдалось. Оставалось идти к Ливадийскому дворцу – там, в местном кафе, можно было купить что угодно.

Стараясь держаться за высоким кустарником, чтобы случайно не попасться на глаза учителям да воспитателям, Катя заспешила в сторону дворца. К несчастью, кафе оказалось закрытым на санитарный день, и девушка, подавив вздох, двинулась обратно.

Оставалось одно: стрельнуть сигаретку у случайного прохожего. Разве стоило идти на такое тягчайшее нарушение интернатовского распорядка, чтобы возвращаться с пустыми руками?

Остановившись на остановке, девушка оглянулась по сторонам... На другой стороне улицы стоял белый «жигуль», и в машине завлекательно тлел огонек сигареты.

Катя несмело подошла к водительской дверце.

– Извините, пожалуйста, – с невинным кокетством начала она, – у вас сигаретки не найдется?

И взглянула в лицо водителя. Владелец машины понравился с первого взгляда: светловолосый, коротко стрижен-

ный, улыбочивый, с жестковатыми, но привлекательными чертами лица...

– Почему не найдется, – улыбнулся тот. – Для красивых девушек у меня есть все, что угодно. – И он протянул початую пачку.

– А можно... я две возьму? Для себя и для подруги? – уже наперед понимая, что не получит отказа, спросила девица.

– Хоть четыре, – проговорил мужчина в ответ. – Ты, что, из интерната?

– Ага, – сигареты исчезли в нагрудном кармане рубашки Кати.

– Поня-ятно... А зовут тебя как?

– Катей.

– Ладно, Катя, – светловолосый крутанул ключ зажигания, заводя двигатель, – я все равно в город еду... Хочешь, тебя до интерната подкину?

Конечно же, малолетняя любительница покурить втайне от воспитателей прекрасно знала прописную истину: никогда нельзя садиться в машину к посторонним мужчинам. Конечно же, она не раз слышала леденящие душу истории про маньяков. Но голос владельца «Жигулей» звучал на редкость доброжелательно, щедрость его не могла не подкупать, да и на кровожадного убийцу этот симпатичный мужчина никак не тянул...

В автомобиле было темно, и Кате в какой-то момент показалось, будто бы на левой руке водителя, что лежала на ры-

чаге переключателе скоростей, отсутствует большой палец. Она хотела было спросить нового знакомого, где это ему руку покалечило, не на войне ли, но тот начал разговор первым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.